

Глава 5

КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

§ 1. Пути к новому мировому порядку: прогнозы и сценарии

1. Военное соперничество и гибридные войны. – 2. Геополитическое соперничество. – 3. Технологическое соперничество. Борьба за ИИ. – 4. Экономическое и финансовое соперничество. Санкции и политика «закрытия» неугодных стран. – 5. Некоторые сценарии: Общая характеристика подходов; Сценарии формирования нового миропорядка; Сценарии переходного периода

Итак, неизбежное изменение баланса сил, скорее всего, приведет к усилению борьбы за лидерство в мире и регионах, за сохранение или изменение мирового порядка. Есть различные сценарии движения к новому мировому порядку. Ниже мы их рассмотрим. Но, исходя из сегодняшних реалий, приходится делать вывод, что переход к новой системе будет не плавным, а бурным. Таким образом, ближайшее время и, скорее, даже десятилетия Мир-Систему ждет усиление соперничества между США и Западом, с одной стороны, поднимающимися державами (РФ, Китай, возможно, и Индия) – с другой. Соперничество будет многоплановое, с усилением гибридных войн. Также просматривается конфронтация США со всеми, судя по началу президентства Д. Трампа. В этом параграфе рассмотрим подробнее следующие аспекты соперничества: **военное, геополитическое, технологическое; экономическое и финансовое**, точнее, добавим некоторые детали и важные замечания к тому, о чем мы уже говорили в этой работе. В процессе рассмотрения различных аспектов соперничества дадим и некоторые важные прогнозы²¹².

1. Военное соперничество и гибридные войны

Здесь, прежде всего, стоит предположить усиление гонки вооружений, что будет иметь серьезное влияние на уровень жизни, структуру экономики, дефициты бюджетов, привлечение трудовых и интеллектуальных ресурсов и т. п. В отношении последнего отметим, что в США, например, явно не хватает рабочих и инженерных кадров для решения проблем производства вооружения. Мы об этом уже вели речь в главе 4, § 2. Гонка вооружений включает в себя новый виток борьбы за новые военные технологии (подробнее в главе 3, § 4), ИИ (см. ниже), а также и космическую гонку. Несмотря на гигантский военный бюджет США, им будет сложно резко увеличить военные расходы в связи с большим дефицитом бюджета. Несомненно, что США будут усиливать давление на союзников с целью увеличения их военных расходов, но и этот ресурс ограничен.

---

²¹² Как мы говорили, имеют место и другие виды соперничества, которые в этом параграфе мы не сможем проанализировать. В частности, не исключается усиление особого рода демографического соперничества за «мозги» образованной части населения стран третьего мира.

Военное соперничество также будет включать в себя и борьбу за рынки поставок оружия и, соответственно, привязки стран к тем или иным системам вооружения (частично мы говорили об этом в § 3 главы 2 об Африке). Также можно ожидать усиления борьбы за возможности создания новых военных баз, особенно в Тихом океане. В последние год-полтора сильно активизировался Израиль. Поэтому его военная и внешняя политика будет заметно влиять на позицию США, в частности в отношениях с Ираном. Противостояние между Израилем и Ираном усилится.

Очень вероятны локальные конфликты, которые, подобно украинскому, будут раскалывать мир и усиливать антагонизмы. Несмотря на активизацию Д. Трампа по завершению военных действий на Украине, объединенные силы украинской власти и ряда европейских политических сил стремятся продолжать этот конфликт. И здесь не исключены попытки расширить его, например, за счет Приднестровья, чтобы сорвать переговоры. Гонка вооружений сопровождается большими трудностями в сфере контроля над вооружениями [Истомин, Виньо 2023], которые, как я полагаю, могут только увеличиваться.

К сожалению, усиливающаяся гонка вооружений несет в себе большие опасности. Особенно это касается вероятности применения ядерного оружия, в том числе и в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке, где ядерное оружие имеет Израиль и имеет (или скоро будет иметь) Иран. Стало слишком много разговоров и допусков о том, что кто-то может еще разработать и даже применить ядерное оружие. Так, в одном из сценариев облегчения бремени военно-стратегического противостояния для США (бывшего специального помощника президента Р. Рейгана Д. Бэндоу) предлагается следующее.

«Что касается Северо-Восточной Азии, то пусть Республика Корея защищает себя сама. США должны постепенно вывести войска и отказаться от договора о “взаимной” обороне. Наши правительства по-прежнему должны сотрудничать ради общего блага, но это никоим образом не оправдывает риска войны на стороне Сеула. Особенно если этот конфликт грозит стать ядерным, поскольку КНДР разрабатывает собственные средства ядерного сдерживания.

Учитывая давнюю зависимость Сеула от американских военных, Вашингтон должен сознательно отстраниться от работы с Южной Кореей и постепенно передать ей бразды ответственности за собственную оборону. Лишившись гарантий безопасности Вашингтона, *Южная Корея может сама начать разрабатывать ядерное оружие, и это может стать весьма прискорбным развитием событий, но даже это лучше, чем если президенту США придется рисковать Вашингтоном и Лос-Анджелесом ради Сеула и Пусана.* У Кима не было бы причин бросать вызов Америке, если бы она сама не строила против него козней» [Vandow 2024; выделено мной. – А. Г.].

В связи с постоянными разговорами на тему возможного применения ядерного оружия возникает опасное привыкание к этой мысли. Как пишет Times, в России пришли к убеждению, что США перестали бояться ядерного конфликта, что служило фактором стабильности во времена холодной войны,

поэтому российское руководство пытается понять, как восстановить этот страх [Beebe 2024]. Глава ЦРУ У. Дж. Бернс достаточно цинично сказал, что он никогда не считал (и это также мнение его агентства), что США должны быть излишне запуганы возможностью применения тактического ядерного оружия [Walsh *et al.* 2024]. Газета New York Times узнала, что в марте 2024 г. президент США Дж. Байден одобрил секретный стратегический ядерный план, который впервые включает стратегию сдерживания Китая. Этот план перерос в конкретные новые указания, уже подписанные Байденом, по применению США ядерного оружия, которые «учитывают реалии новой ядерной эры». В этой стратегии подчеркивается необходимость наращивать ядерный арсенал и одновременно готовиться к координации возможной ядерной конфронтации с Россией, КНР и Северной Кореей [Sanger 2024].

Таким образом, вместо движения к ядерному разоружению идет движение к его наращиванию. В ядерный век наживать себе врага, обладающего ядерным оружием, неразумно. Но именно так Вашингтон относится и к КНР, и к России, – верно отмечает Ч. Фриман, бывший посол и помощник министра обороны США [Фриман 2024].

Известный в России экономист Дж. Сакс по этому поводу говорит следующее: «В Америке было пять президентов подряд (Клинтон, Буш, Обама, Трамп, Байден), каждый из которых подводил нас все ближе к ядерной войне. США разрушают систему контроля над ядерными вооружениями самыми разными способами: отказ от Договора о ПРО; размещение ракетных систем Aegis в Польше и Румынии; неумолимое расширение НАТО на восток с прицелом на Украину и Грузию; отказ от Договора о РСМД; отказ от СВПД; обязательство разместить новые ракеты средней дальности в Германии, часть которых, по крайней мере потенциально, способна нести ядерный заряд; вооружение Тайваня, несмотря на возражения Китая; множество прокси-войн и операций по смене режима. Все это привело нас к тому, что символические «часы судного дня», свидетельствующие о напряженности ситуации в мире, с января 2023 г. показывают “90 секунд до (ядерной) полуночи”» [Бьянки 2024]. Поэтому мнение, что Белый дом стремится к войне, имеет под собой определенные основания и, конечно, это может соответствовать интересам серьезных групп элиты и чиновничества [Andersson 2023]. Изменение российской ядерной доктрины в сентябре 2024 г., принятое в ответ на увеличение угроз ударов вглубь российской территории, объективно тоже увеличивает риск применения ядерного оружия.

В конце 2024 г. РФ продемонстрировала новое оружие – баллистическую ракету средней дальности «Орешник», перед которой бессильна любая ПВО. Мощность заряда 900 килотонн, что приближается к мощности стратегического ядерного оружия, и равна 45 атомным бомбам, сброшенным на Хиросиму. Эта демонстрация была сделана с целью остудить горячие головы на Западе и показать, что, кроме тактического ядерного оружия, применение которого крайне нежелательно, есть и другое, неядерное, но очень мощное, применение которое не запрещено конвенциями. Однако эта демонстрация,

конечно, усилит активность других стран с целью сделать аналогичное «Орешнику» оружие.

О военно-геополитическом соперничестве см. ниже в следующем разделе.

2. Геополитическое соперничество

Здесь сначала выделим регионы, где соперничество будет усиливаться (помимо уже имеющихся очагов на Ближнем Востоке и в других местах).

Во-первых, это Арктика. Об этом мы уже неоднократно говорили, подробно останавливаться не будем, но соперничество тут будет военное, экономическое и иное. Для США крайне важно помешать России и Китаю иметь не контролируемый ими морской путь. Для России Северный морской путь имеет очень большое и все усиливающееся значение, как военное, так и экономическое и экогеополитическое, так как развитие этого пути усиливает страну. Я не говорю уже о ресурсном значении, так как Арктика богата энергоресурсами и другими полезными ископаемыми. А в связи с потеплением на Севере возможность добычи этих ресурсов, так же как и судоходность Северного морского пути улучшается. Неожиданные претензии Д. Трампа на Гренландию связаны с увеличением значения Арктики для США.

Во-вторых, это Африка. Об этом мы подробно говорили, повторяться нет смысла. Однако в целом борьба за влияние на Глобальный Юг усиливается, и мы к этому вопросу вернемся ниже.

В-третьих, это АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион). Эту борьбу мы уже рассматривали в главе 2, § 4. Она имеет разные аспекты. Прежде всего, конечно, это: 1) усиление соперничества США и Китая в этом регионе; 2) как следствие рост военно-морского флота Китая; 3) формирование США военно-морского союза против Китая; 4) борьба за влияние на различные страны Океании (Соломоновы острова, Папуа – Новая Гвинея). Но есть и другие аспекты:

– сложные игры с Индией и странами АСЕАН;

– санкции толкают РФ в Азию и политическом, и в военном, и в экономическом плане. В этой связи США и Европа фактически обеспечивают неизбежность поворота РФ в Азию, тогда как РФ всегда стремилась к Европе. Но теперь: а) Европа обрекает себя на изоляцию, тем более что и с Китаем у нее все непросто; б) США создают себе дополнительного соперника именно в АТР в лице РФ, что может усилить военное сотрудничество КНР и РФ.

Возможный конфликт США и Китая мы еще рассмотрим в некоторых сценариях ниже. А в следующем разделе рассмотрим изменение ситуации для Европы.

В заключение раздела подчеркну, что геополитическое соперничество, к сожалению, предполагает усиление масштабности и расширение сфер гибридных войн (см. об этом ниже).

2.1. Европа уходит из центра Мир-Системы?

Главу «Основная цель США» своей известной книги «Великая шахматная доска» (1997 г.) З. Бжезинский полностью посвятил взаимоотношениям США

и Европы, объясняя, что надо содействовать тому, чтобы объединенная Европа была не просто младшим союзником, но истинным партнером, что означает разделение принятия решений, равно как и ответственности. По его мнению, американская поддержка этих побуждений помогла бы придать импульс межатлантическому диалогу и поощрила бы европейцев к более серьезной сосредоточенности на той роли, которую Европа могла бы играть в мире [Brzezinski 1997; Бжезинский 1998]. В 2013 г. помощник госсекретаря США В. Нуланд, когда ей напомнили о необходимости согласовать действия США с ЕС, ответила: “F**k the EU”. В 2024 г. А. Клут сравнивает Европу и Америку с двумя тектоническими плитами геополитики, которые уже давно движутся в противоположных направлениях. Вашингтон дрейфует от своего стратегического и инстинктивного трансатлантизма времен холодной войны в сторону АТР, где они видят более важные и опасные линии разлома и ощущают толчки по всему Китаю. При этом, независимо от того, кто станет президентом, ослабление внимания к Европе неизбежно [Kluth 2024]. Итак, Европа сегодня интересуется США уже постольку-поскольку.

Таким образом, как я уже писал в главе 2, § 4, США неспособны быть сильными везде, как ранее гласила их доктрина²¹³. Начиная с Б. Обамы, Америка пыталась, правда, не особенно успешно, перегруппировать силы, уйдя с Ближнего Востока, провозгласив тихоокеанский век Америки (см. главу 2, § 4). Однако уйти оттуда оказалось довольно непросто, этот регион по-прежнему держит США очень цепко. Тем более что они успели создать хаос в ряде ближне-и средневосточных стран (от Ливии до Афганистана, а теперь вместе с Турцией и в Сирии) и продолжают расшатывать режимы в других странах (Иране, Пакистане). И их мало беспокоит возникающий хаос, скорее даже напротив, им кажется, что это им на руку. Им сложно уйти и потому, что есть их союзник, который не отпускает США с Ближнего Востока. Это Израиль. И он будет стараться держать там США, а главное, их политическую верхушку, которая в большинстве своем пляшет под иудейскую дудку²¹⁴.

Теперь США, испытывая дефицит различных ресурсов, пытаются освободиться от бремени гегемонизма, оставив Европу на ее собственное военно-стратегическое обеспечение. Когда-то, в конце второй каденции Обамы, США наметили создание двух колоссальных союзов – Трансатлантического и Транс-

²¹³ «Прошел тот краткий однополярный момент, когда Америка была гипердержавой и могла претендовать на роль полицейского во всех регионах мира. В сегодняшнем контексте перманентных бюджетных кризисов и все более сокрушительного долга Вашингтону придется делать выбор» [Kluth 2024]. «Эпоха американского доминирования, установившаяся после окончания холодной войны, реально завершилась. Американцы уже не могут контролировать все, что происходит на планете, и начинают осторожнее подходить к глобальным процессам» [Hedges 2024]. «США необходимо отделить свои фундаментальные национальные интересы от просто желательных. Они должны передать больше ответственности своим богатым союзникам. Соединенные Штаты должны перестать пытаться быть везде и заниматься всем» [Byers, Schweller 2024].

²¹⁴ Легко найти информацию об этом исключительном влиянии и в прежние периоды, и в настоящие (см., например: [Mearshamer, Walt 2006; Pro-Israel... 2022; How Israel... 2023]), хотя, разумеется, то, что публикуют в открытой прессе, только верхушка айсберга.

тихоокеанского. Их создание позволило бы Америке усилить свое влияние. Однако с приходом Д. Трампа к власти оба проекта оказались ненужными. Но если Атлантическое единство теперь подвергается сомнению или, по меньшей мере, его значение уменьшается, то роль АТР в политике США только растет.

Таким образом, США перемещаются в АТР, где в ближайшие десятилетия будет нарастать конфликтность и напряженность, образовываться различные союзы и комбинации. В этой связи все больше аналитиков считает, что США, концентрируясь на Азии, отодвинут Европу на второй план, а Европа станет второстепенным направлением для Америки [Европа... 2024]. В целом, соглашаясь с этим, я тем не менее хотел бы подчеркнуть, что уйти из Европы для США будет совсем не просто, не проще, чем с Ближнего Востока, а скорее всего, сложнее. Дело в том, что европейские державы (в отличие от ближне- и средневосточных) настолько привыкли к американскому диктату, что уже не могут жить без него, просто не представляют свою жизнь без него, как лакей не представляет жизнь без барина. Иными словами, потеря суверенности и отказ от ее нового обретения делает Европу беспомощной. И это сильно отличает ее от растущих стран Азии и даже Африки, где стремление к суверенитету растет. Максимум, чего могут добиться США, – это увеличения военных расходов европейских стран и имитации попыток создать какие-то общеевропейские военные структуры, возможно, под давлением Америки будут внедрены еще какие-то экономически невыгодные Европе акции. Некоторые промышленные предприятия могут уйти в США, но, если промышленность и будет уходить из Европы, из Германии в частности, то в основном в Азию²¹⁵. Для того чтобы ослабить свои обязательства в Европе, США надо было бы найти хороший контакт с РФ, чтобы Европа не боялась. Но это-то США как раз делать не собираются. Есть исключения в сценариях, когда предполагается, что США найдут общий язык с Россией. Мы о них скажем. Но это явно не базовые сценарии.

Однако в любом случае все это будет ослаблять Европу, превращая ее из геополитического центра Мир-Системы в полуцентр, а затем и полупериферию, если не произойдет радикальных изменений, например прихода к реаль-

²¹⁵ Хотя тема реиндустриализации США постоянно поднимается, и даже есть утверждения, что в американских элитах сложился консенсус относительно необходимости реиндустриализации страны [Яковенко и др. 2023], но реальные возможности реиндустриализации сильно ограничены – сильным дефицитом в США квалифицированных рабочих и инженеров, утратой некоторых компетенций, недостатком ресурсов в отдельных штатах. Что касается консенсуса, то он, если и есть, очень нечеткий. С 2017 г., когда Трамп объявил программу модернизации инфраструктуры, ситуация с мостами и прочей инфраструктурой только ухудшилась. Выделенные деньги пошли неизвестно на что. Характерно, что в планах Трампа сегодня о проекте модернизации инфраструктуры не слышно. В лучшем случае США могут усилить свои позиции в производстве чипов, электроэнергии для дата-центров, выпуска военной продукции и других ограниченных, но важных направлениях. При этом интересно, что те успехи в развитии индустрии, которые реально есть в США, достигнуты в основном посредством частного бизнеса, например резкое наращивание добычи сланцевой нефти и газа, развитие мощностей сжиженного газа, сегодня – развитие дата-центров и ИИ. Усилия же правительства по реиндустриализации дают слабый эффект.

ной власти правых националистов (которым, кстати сказать, И. Маск, явно по поручению Д. Трампа, начал активно декларировать поддержку). Соответственно, и роль G-7 будет сокращаться, что видно уже сейчас²¹⁶.

Некоторые европейские лидеры уже начали бить тревогу. Так, бывший президент Европейского центрального банка и бывший премьер Италии, а также неофициальный лидер европейских технократов М. Драги опубликовал 400-страничный доклад о конкурентоспособности, заказанный Европейской комиссией еще в 2023 г. (главные тезисы доклада см.: [Draghi's... 2024]). Выводы доклада печальны для Европы, поскольку она отстает технологически и стагнирует экономически, а также фактически потеряла движущие силы в развитии и перестает быть самостоятельным субъектом международных отношений. Очень любопытно, что только недавно многие отрицали необходимость экономического роста (см. об этом в главе 2, § 3 и главе 4, § 3), а теперь вдруг обеспокоились его отсутствием. На сопровождавшей публикацию пресс-конференции Драги заявил, что лишь «беспрецедентная» реформа остановит спад. «Впервые со времен холодной войны мы должны по-настоящему тревожиться за самосохранение, и доводы в пользу единого ответа никогда не были столь убедительны», – пояснил он. Если 27 членов ЕС не придадут никакого значения его докладу, Драги предрек мрачное будущее. Он считает, «что Европа не сможет одновременно стать лидером в новых технологиях, маяком климатической ответственности и независимым игроком на мировой арене; не сможет финансировать свою социальную модель. Европейцам придется сильно умерить свои цели» [Там же].

Комментаторы доклада и выступления Драги достаточно пессимистичны в отношении возможностей реализации предложенных им реформ, без которых Европа продолжит превращаться из части света первого мира в часть света третьего мира [Can Anything... 2024; см. также: Mortimer 2024]. С выводами итальянца нельзя не согласиться. Однако можно предположить, что Драги, как и других высших евробюрократов, волнуют не только серьезные угрозы и риски, стоящие перед Европой, но и возможность усилить собственную власть. Ведь кто будет проводить беспрецедентные реформы? Именно Брюссель. Драги заявил, что Европе требуются дополнительные ежегодные инвестиции в размере не менее 750 млрд евро – примерно 5 % от совокупного ВВП ЕС, если Европа хочет догнать Америку и не сдать позиции Китаю. Но это огромные деньги, которыми во многом также будут распоряжаться евробюрократы. Неудивительно, что глава Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен незадолго до публикации доклада сообщила у себя в соцсетях, что «жаждет» услышать мнение бывшего премьер-министра Италии [Mortimer 2024]. Впрочем, не удивлюсь, если за спиной этих предложений стоит заокеанский союзник, который в последнее время все активнее ищет возможности использовать ресурсы своих сателлитов в собственных целях.

²¹⁶ Есть мнение, что в итоге Запад может очутиться на периферии, а не в центре будущего мира, что может усугубиться фактической изоляцией Запада от глобального большинства [Фриман 2024].

3. Технологическое соперничество. Борьба за ИИ

О технологическом соперничестве мы довольно много говорили, в том числе делали прогнозы на будущее (см. главу 3). В этом параграфе мы еще остановимся только на гонке в отношении ИИ (о нем шла речь в главе 3, § 3). Но прежде отметим, что США делает особую, если не главную ставку на сохранение и увеличение технологического превосходства. Это, в частности, подтверждено вновь в совместной статье директора ЦРУ У. Бернса и шефа Ми-6 Р. Мура [Burns, Moore 2024].

Борьба за ИИ идет повсеместно, слившись с технологическими санкциями и государственными программами. Один из указов Д. Трампа в скором времени после его инаугурации посвящен развитию ИИ в США “Removing Barriers to American Leadership in Artificial Intelligence” [Removing... 2025]. Он прямо и недвусмысленно провозглашает развитие ИИ, удержание лидерства США в этом направлении важнейшим государственным приоритетом. Соответственно для стран, которые хотят быть действительно независимыми, в том числе и особенно для России, разработка и развитие собственных моделей ИИ, собственных платежных систем, собственной инфраструктуры имеют стратегическое значение для независимости. Надо отдать должное, наше руководство это хорошо понимает, но уйти от зависимости быстро не получается.

Американские корпорации пока в этом плане идут впереди. Американские власти и спецслужбы, а также военное ведомство и ранее стремились полностью подчинить своим интересам это развитие, в частности финансируя цифровых гигантов, вводя в их советы своих людей и наоборот. Так, явно не без совета «старших товарищей» из Пентагона С. Альтман, один из создателей ChatGPT и глава Open AI, выступил со статьей «Кто будет контролировать будущее ИИ?» [Altman 2024] в The Washington Post, которая часто выступает рупором американского разведсообщества. В этой статье он с идеологических позиций утверждает, что «демократический» ИИ должен превалировать над «автократическим».

По мнению Альтмана и руководства Open AI (а также добавим, по мнению американского руководства), контроль ИИ является одним из самых приоритетных вопросов нашего времени и обозримого будущего. По их мнению, выбор таков. Будет ли это мир, в котором Соединенные Штаты и их союзники продвигают глобальный ИИ, или мир, в котором страны или движения, не разделяющие демократические ценности, используют ИИ для укрепления и расширения своей власти? Они считают, что третьего варианта нет. Иными словами, нормального общечеловеческого развития ИИ не должно быть, а только ИИ для удержания власти США над миром. И поэтому С. Альтман считает, что пришло время решить, какой путь выбрать. Естественно, что Альтман и США надеются на победу «демократического» ИИ. В настоящее время Соединенные Штаты лидируют в разработке ИИ, но их беспокоит, что сохранение лидерства далеко не гарантировано, что Китайская Народная Республика намерена стать мировым лидером в области ИИ к 2030 г.

Многие постулаты повторил Дж. Салливан в своем выступлении в Национальном университете обороны, заявив, что США должны быть «единственным технологическим партнером для стран по всему миру». Он развернул программу США по обеспечению лидерства в ИИ. В частности, подчеркнув, что все «передовые чипы» либо должны быть произведены американскими компаниями, либо их распределение должно находиться под контролем США. Ограничения для других должны касаться не только чипов, но и оборудования для их производства. Он также сказал, что крупные технологические компании, которые разрабатывают и внедряют системы ИИ, будучи американскими, дали Америке лидерство. Но это лидерство надо «защитить и расширить» усилиями государства [Кузнецов 2024]. Американские цифровые компании и раньше работали в очень тесном контакте с правительством, Пентагоном, ЦРУ, АНБ и т. п. Но теперь, похоже, дело идет к полному слиянию государства и корпораций, причем в невиданных ранее формах личной унии (если использовать выражение В. И. Ленина о слиянии финансового и промышленного капитала).

Теперь же Д. Трамп, И. Маск, владельцы и руководители цифровых гигантов оформляют огромный консорциум, подключают государственные ресурсы, чтобы обогнать всех и закрепить свое преимущество в сфере ИИ. Однако здесь для них не все гладко. Китайские разработчики «наступают им на пятки», ситуация меняется быстро. См. о том, как новый китайский чат превзошел в некоторых отношениях американские модели: [Whitney 2025].

Таким образом, гонка в ИИ будет одним из важнейших факторов соперничества, разделения Мир-Системы, а также и ограничения прав и свобод граждан в разных странах.

4. Экономическое и финансовое соперничество.

Санкции и политика «закрытия» неугодных стран

Когда-то М. Е. Салтыков-Щедрин описывал самодура, который предлагал «закрыть Америку». Сегодня ситуация повернулась наоборот. США пытаются «закрыть» Иран, КНДР, Венесуэлу, Россию и другие неугодные им страны. Они пытаются обложить их санкциями таким образом, чтобы полностью удушить и «отменить» эти страны, как «отменяют» в последние десятилетия неугодных и неконформистски настроенных деятелей в США. Возник даже термин «культура отмены».

Санкции, думается, останутся надолго, поскольку виден замысел Запада по уничтожению российской экономики и подрыву китайской [Vanderford 2024]. Многие эксперты считают, что США не пойдут на действительно радикальные меры, такие как введение санкций против крупных китайских банков или Центрального банка Китая, если только не начнется активный военный конфликт [Там же]. Да, пока на радикальные меры не пойдут, но они будут систематически и в самых разных отношениях поджимать Китай, ущемляя его интересы, пока не доведут до такого накала страстей, что ощущение неизбежности конфликта будет буквально висеть в воздухе.

США ослабли, но их руководство считает, что они по-прежнему всемогущи и способны справиться с любыми кризисами. Это и делает все более вероятными худшие сценарии. Высокомерие, игнорирование законных интересов других и отношение к другим как к низшим нациям (что недавно очень наглядно подтвердили Трамп и Маск своими высказываниями в отношении Канады и Германии) неизбежно ведет мир к тяжелому кризису. Однако надо понимать, что чем сильнее будут американские и европейские санкции против Китая, тем активнее Китай, Россия и другие страны будут блокироваться. Голоса о том, что вашингтонским политикам следует как минимум прекратить подталкивать Китай и Россию навстречу друг другу [Cuenco 2024], упорно игнорируются. Впрочем, Д. Трамп заявляет, что оторвет Россию от Китая, но по факту предложить ему РФ нечего.

Введение санкций в целом становится целенаправленной политикой по исключению неугодных стран из международного сообщества с целью ее полной изоляции, как это происходило с Ираном, Венесуэлой, а с 2022 г. с Россией, которая подверглась «отмене» после начала СВО на Украине [Рустамова, Адрианов 2023].

Экономическое и финансовое соперничество идет непрерывно. Оно особенно усиливается в связи с постоянным ростом санкционного давления, включая и конфискацию зарубежных активов неугодных США стран²¹⁷. С одной стороны, санкции наносят большой вред странам, против которых они вводятся. Но с другой – это заставляет их развивать собственные финансовые технологии и системы, стремиться уходить от доллара (а значит, от возможности отслеживать финансовые сделки) и использовать криптовалюты. В настоящее время уже более двух десятков стран ввели через свои ЦБ собственные цифровые валюты или их введение находится в стадии пилотного запуска [Чернышева 2024]. И это число стремительно растет. Как уже сказано в главе 3, § 3, в настоящее время 16 стран только из «Большой двадцатки» разрабатывают или тестируют цифровые валюты [Чжан Юйгуй 2024]. А значит, постепенно подрывается гегемония доллара. Как я уже говорил, в январе 2025 г. Д. Трамп издал указ “Strengthening American Leadership In Digital Financial Technology” [Strengthening... 2025], согласно которому развитие цифровых активов становится одним из главных приоритетов развития США. Что характерно, в этом указе он, поощряя частную инициативу, одновременно категорически запретил создание и использование центральных банковских цифровых валют, то есть запретил ФРС разрабатывать государственную цифровую валюту (криптодоллар, привязанный к доллару, в отличие от очень неустойчивых курсов негосударственных криптовалют). В главе 3, § 3 мы говорили, что развитие криптовалют предназначено прежде всего для новых спекуляций. Это косвенно подтверждается и тем удивительным моментом, что в упомянутом указе Трампа о развитии криптовалют, в котором он не только запрещает ФРС заниматься криптовалютой, но и не включает ее представителей

²¹⁷ Это уже произошло с активами Венесуэлы, Афганистана, Ирака, Ирана, Ливии, Северной Кореи, и дело идет к конфискации активов РФ.

в состав рабочей группы по рынкам цифровых активов, при Национальном экономическом совете вообще нет ФРС. Иными словами, Д. Трамп пытается отстранить Центральный банк США (ФРС) от влияния на развитие нового финансового направления и тем самым от влияния на финансовую устойчивость.

Будущее покажет, что выйдет из этой инициативы Трампа, но есть большие основания предположить, что увлечение криптовалютами и спекуляциями на их основе может сильно повредить доллару и его авторитету вопреки посулу, что это должно укрепить «суверенитет доллара».

Перевод в цифровой формат (токенизация) многих активов, включая акции и облигации, позволяет значительно расширить вариации и пул активов, позволяя упрощать процедуру приобретения и продажи, проводить торговлю 24/7 и в ряде случаев обходиться без специалистов (см.: [Durden 2025]). Все это может создать бум инвестирования в ценные бумаги. По-видимому, план команды Трампа заключается в том, чтобы быстрее других создать такую технологическую систему, что позволит дополнительно привлекать в США капиталы извне. Однако, как и любой бум вокруг новой финансовой технологии, он, скорее всего, окончится крахом, поскольку децентрализация и уменьшение регулирования плюс отсутствие опыта неизбежно приводят к биржевым или иным финансовым крахам (см. об этом: [Гринин Л. Е., Коротаев 2010; Гринин Л. Е. 2021г]). Главная опасность заключается в том, что финансовая система США и мира в целом настолько перегружена переоцененными активами, что крах может быть катастрофическим.

Что касается доллара, его роли в международных расчетах и будущего, то здесь большой спектр мнений. Очень многие по-прежнему считают позицию доллара США как ведущей международной валюты «практически неприступной» [Boughedda 2024]. Однако рост успешных попыток уйти от доллара начинает все больше волновать американских экономистов и политиков²¹⁸. Немало прогнозов вроде тех, что делает Дж. Сакс: что значительная дедолларизация произойдет в течение ближайших 10 лет из-за появления новых платежных систем, что снизит роль банков, опирающихся на доллары. Дедолларизация усилится потому, что доля США в мировой экономике снижается, а также по геополитическим причинам, в частности из-за злоупотребления санкциями [Бьянки 2024]. К этому перечню причин я бы обязательно добавил безудержный рост национального долга США, более чем вероятный значительный рост дефицита торгового платежного баланса и отрицательного баланса международной инвестиционной позиции (см. главу 2, § 2), а также падение роли международных финансовых организаций. Можно также согласиться с одним из апологетов незыблемости доллара, что его лидирующая позиция обусловлена, главным образом, непревзойденной мощью военно-морского, военно-воздушного и кибернетического потенциала США, что является осно-

²¹⁸ В том числе достаточно активно используется бартер. Иран и Таиланд обменивают продукты питания на нефть, а Пакистан одобрил бартерную торговлю с Ираном, Афганистаном и Россией. Китай строит в Иране современный аэропорт, оплата за который будет производиться нефтью [Krikke 2024].

вой позиции доллара как основной мировой валюты [Boughedda 2024]. Но мы уже много раз говорили, что относительная военная мощь США постепенно сокращается, а это значит, что и поддержка доллара будет сокращаться.

Поскольку угрозы доллару из гипотетических все очевиднее перерастают в реальные, американские политики стремятся решить эти вопросы в присущей им манере, а именно путем усиления давления санкций и наказаний. Все просто. Тех, кто стремится уйти от доллара в расчетах, надо наказывать. В частности, уже есть законопроект, который может обязать президентов США вводить санкции против финансовых учреждений за использование китайской платежной системы CIPS, российской Системы передачи финансовых сообщений (СПФС) и других альтернатив системе Swift, ориентированной на доллар [Krikke 2024]²¹⁹. Д. Трамп, который справедливо считает, что потеря долларом статуса мировой резервной валюты будет равносильна поражению США в войне, и который обещает сократить число санкций, поскольку это негативно влияет на позицию доллара, в то же время заявляет, что введет стопроцентные санкции на товары стран, которые стремятся уйти от доллара [George 2024]. Способы наказания разные, но суть одна – силой заставить поддерживать доллар.

Таким образом, мы, по-видимому, вступаем в период, когда США начнут с использованием всей своей финансово-экономической мощи давить на страны, которые стремятся к торговле в национальных или цифровых валютах. Это будет также означать, что привлекательность США, которая во многом поддерживалась так называемой «мягкой силой», будет ослабевать, поскольку мягкая сила станет во все большем числе областей и сфер отношений заменяться жесткой силой²²⁰. Трамп и его команда с небывалым цинизмом начали демонстрировать подход, основанный на угрозах, отказе от международных норм и договоренностей, грубой силе. Еще в 2005 г. З. Бжезинский, подвергая внешнюю политику Дж. Буша жестокой критике, писал: «На протяжении 250 лет Америка говорила миру: “Дайте мне своих утомленных, бедных, угнетенных, жаждущих дышать свободно”». Однако, добавляет он, в последнее время она говорит: «Если вы не с нами, то вы против нас» [Brzezinski 2005; Бжезинский 2006]. С тех пор лозунг «кто не с нами – тот против нас» все сильнее овладевает потерявшей связь с реальностью американской элитой (см., например: [Fazi 2024b]). Сказанное также значит, что потребуются все большие усилия, чтобы всех постоянно держать в узде силой.

Силы и мощи, конечно, у США еще очень много, поэтому борьба за позицию доллара будет очень тяжелой. Но ослабление этой позиции, по-видимому, неизбежно. Уже потому, что на стороне дедолларизации стоит технологический прогресс, особенно развитие криптовалют (см. главу 3, § 3).

²¹⁹ Предложил его сенатор от Флориды М. Рубио, небезызвестный тем, что в свое время яростно боролся против «Северного потока-2».

²²⁰ А там, где жесткой силы не хватит, усилятся игнорирование американского влияния, как это происходит, например, с фильмами Голливуда, сильно потерявшими свою привлекательность из-за так называемой политкорректности в отношении ЛГБТ, расового вопроса и т. п.; то же касается и диснеевских мультфильмов.

То, что писал Бжезинский о внешней политике Дж. Буша: «Теория Шпенглера о манипулируемых массах, требующих войны, которую желают их лидеры; самоубийственное государственное управление по Тойнби, подрывающее имперскую власть гегемона; культурно-антагонистическая демократизация по Хантингтону» – все это имеет непосредственное отношение к внешней политике президента Буша [Бжезинский 2006] – относилось и к политике Дж. Байдена. Только к этой триаде добавились и усилили свое значение новые аспекты: «миссионерство» ЛГБТ и политкорректности, по силе сравнимое с миссионерством испанской инквизиции, которое в итоге привело к упадку Испанской империи; замена принципа меритократии в продвижении кадров на принцип «анкеты», объединяющие худшие черты сословных монархий и социализма; дряхление и коррумпированность элит; цензура и «культура отмены», характерная для тоталитарных режимов; замена знаний в образовании на идеологию и ряд других пороков. Меня поразила мысль Р. Рейгана, который еще в 1975 г. сказал: «Если фашизм когда-нибудь придет в Америку, то придет он под именем либерализма» (цит. по: [Яковенко и др. 2023: эпиграф]). И действительно, фашизм в либеральной одежде шагает по Америке сегодня. Программа Трампа по «очищению» Америки, конечно, встряхнет страну и может остановить наступление либерального фашизма, но победить все это ему, конечно, не дано. Мало того, заявленная им, И. Маском и другими «перестройка» США может нанести ей больше вреда, чем пользы, поскольку при такой перестройке пошатнется вся политическая конструкция Америки. Что же касается внешней политики Д. Трампа, то можно прогнозировать, что в результате ее проведения уважение и доверие к США в мире сильно уменьшится.

5. Некоторые сценарии

5.1. Общая характеристика подходов

Можно согласиться с В. И. Пантиным и В. В. Лапкиным [Пантин, Лапкин 2024], что в настоящее время в российской и зарубежной научной литературе проблема определения и обоснования основных сценариев дестабилизации и изменения мирового порядка в период 2020–2040-х гг. разработана неполно, если не сказать – фрагментарно. Во многом это связано с недостатками и пробелами существующих теорий мирового порядка и баланса сил, с доминирующим в научной литературе рассмотрением изменения баланса сил и динамики мирового порядка главным образом как линейно-поступательного и однонаправленного, а не волнообразного и многовекторного процесса²²¹. «При этом недостаточно учитывается или игнорируется постоянно меняющееся, крайне динамичное соотношение сил разных центров мировой системы, обусловленное периодическими технологическими, экономическими, геополити-

²²¹ Волнообразность, о которой говорят В. И. Пантин и В. В. Лапкин, по моему мнению, предполагает приливы и отливы процессов, откаты и возобновление трендов уже на новой основе. Я об этом говорил в отношении глобализации, деглобализации и предполагаемой новой волны глобализации.

ческими сдвигами, а также возникновение новых и деградация старых центров политической, экономической и военной силы». Также можно согласиться, что многие модели нового мирового порядка строятся на идеях и утверждениях, не являющихся теоретически состоятельными и политически релевантными [Баталов 2003]. Мешает и то, что основные теории мирового порядка разработаны для анализа в основном стабильного состояния этого порядка, тогда как сегодня надо трансформировать эти теории для переходного состояния мирового порядка, которое с каждым годом усиливается.

Нельзя сказать, что сценариев нет, их не так мало. Но тут имеется несколько моментов. Во-первых, большинство сценариев фрагментарны и/или недостаточно обоснованы. Это, скорее, какие-то тезисы или заметки по поводу. Хотя в них порой попадаются довольно интересные мысли. Во-вторых, многие сценарии сильно политически ангажированы. Большинство ангажированных американских и западных сценариев, конечно, общей идеей имеют продолжение или увековечивание господства США. В-третьих, в отношении американских сценариев отмечу, что, конечно, есть и диссидентские сценарии (некоторые будут приведены ниже). Они либо прогнозируют неизбежный упадок США, либо концентрируются на рекомендациях, выполнение которых для американских элит малореально, либо надеются на спасительную перестройку²²². Что касается российских прогнозов, то их явно недостаточно, но в целом они склоняются к неизбежному упадку США и вероятному обострению международных отношений. Прогнозы и идеи представителей третьего мира многообразны, и значительная их часть также связана с идеями о неизбежном закате США и переходе к многополярному миру²²³.

Важно отметить, что если в период расцвета *Rex Americana* и еще некоторое время спустя имели место бравурные и объемные сценарии о господстве Америки и в следующие 10 лет, и даже в следующие 100 лет [Фридман 2010, 2011; см. также Slaughter 2009], то сейчас – в период усиления мировой турбулентности и явных ошибок со стороны американской политической элиты – сделать такие прогнозы гораздо сложнее, а эффект их будет намного слабее²²⁴. Неудивительно, что в экспертном сообществе самой Америки, начиная с провального президентства Дж. Буша-младшего, все чаще раздаются голоса о необходимости считаться с качественно новой глобальной средой, прежде всего попытавшись реально интегрировать Пекин и Москву в институты сложившегося порядка [Яковенко и др. 2023: 46]. Тут замечу, что критика достаточно

²²² Один из последних, нарисовав мрачную картину внутренних проблем и нерадужных перспектив, утверждает, что ситуация в США не изменится, пока страна не пройдет через период беспорядков, нестабильности и бедствий [Kunstler 2024].

²²³ Например, индийский министр иностранных дел С. Джайшанкар заявил, что, хотя Запад опутал весь мир своими политическими, военными и финансовыми институтами, американское доминирование в мире подошло к концу и ситуация в глобальной геополитике неизбежно станет многополярной [Добров 2024б].

²²⁴ Обзоры и сценарии, подобные докладом Национального разведывательного совета США достаточно регулярно выпускаются [Национальный... 2009; National Intelligence Council 2008, 2017, 2021]. Но, хотя они являются полезными документами, их связность и прогнозируемая сила заметно сокращается из-за растущего хаоса в американской и мировой политике.

большая и идет из разных мест, но цели ее разные: от попыток нажать на правительство, что нужно давать больше денег на военные расходы (иначе флот и армия США отстанут, таких статей в настоящей работе было приведено немало) до чисто партийно-политических целей. Но, разумеется, есть и объективно озабоченные нарастанием проблем аналитики. Так или иначе уже весьма нередко утверждается, что Вашингтон должен сменить курс. Он должен ставить более скромные цели, при этом улучшить отношения с сегодняшними противниками будет непросто, так как враждебность глубоко въелась, имеются глубокие обиды, недоверие стало всеобъемлющим [Bandow 2024].

Проблема сложности сценарирования сильно углубляется тем, что за последние 30 лет Вашингтон так и не смог кардинально переоценить мир после окончания холодной войны и столкнулся с неизбежной дилеммой, которую бывший глава штаба внешнеполитического планирования Госдепартамента, политолог-международник А.-М. Слотер сформулировала еще в 2011 г.: либо США осуществляют контроль в закрытой системе, либо пользуются основанным на доверии влиянием в открытой системе. При этом они должны провести общую демилитаризацию внешней политики, а также и самого понятия национальной безопасности [Slaughter 2011]. Но эта дихотомия в рамках рационального, логического и тщательного планирования внешнеполитической стратегии. В реальности же, как мы уже говорили (глава 2, § 4), в США нет долгосрочной стратегии на уровне государства с преемственностью при смене власти. А с учетом борьбы кланов в партиях и озабоченности внутривнутриполитическими проблемами (выборами в первую очередь) горизонт планирования небольшой, действия совершаются хаотично, для решения какой-то отдельной проблемы, причем часто одни действия противоречат другим. Концепции, которые используются при этом (если вообще какие-то концепции используются), не систематичны, а сделаны по случаю (*ad hoc*). В отношении американской идеи сдерживания России и Китая, как я уже не раз говорил, преобладает опасная для США и мира идея, что Америка справится с обоими противниками, даже если они будут все плотнее сотрудничать. Цель США – упредить Россию и Китай до того, как они смогут бросить вызов безусловному глобальному лидерству Америки (в политологии эта ситуация известна под названием «ловушка Фукидида»). Важно иметь в виду, что под сдерживанием Америка понимает любое воздействие, включая разрушение политического режима или революцию [Яковенко и др. 2023: 47]. Действительно, подрыв внутреннего порядка и строя едва ли не главная цель американской внешней политики, которая проводится спецслужбами. И в этом негативном аспекте преемственность политики налицо. Однако на разумность спецслужб не приходится рассчитывать. Они настолько уверовали в безнаказанность любой акции против любой страны, что готовы рискнуть обратить мир в хаос даже ядерной войны для достижения цели свержения режима в РФ или в Китае (см. выше о нарастании опасности ядерной войны). Недавно были опубликованы документы ЦРУ 1962 г., согласно которым предлагались диверсии против американских граждан и объектов под «чужим флагом», чтобы обви-

нить в этом Кубу. Надо думать, что это не единичный случай в практике американских спецслужб. При этом спецслужбы часто не координируют свои действия с Госдепартаментом и президентом, поэтому получаются действия, которые не подчинены общей стратегии со всеми вытекающими последствиями.

Америка имела (и в какой-то мере все имеет) шансы мягко возглавить неизбежное переустройство мирового порядка. Я уже приводил такие примеры, еще один будет в следующем параграфе. Однако такая стратегия требовала и требует от американской элиты выработки долгосрочного стратегического видения, причем такого, которое разделялось бы другими ведущими международными игроками. Однако, как показывают события последних десятилетий, ничего подобного у американских элит попросту нет и вряд ли появится в обозримом будущем. А события последних месяцев показывают, что от президента к президенту высокомерие и цинизм американского правительства только возрастают.

К сожалению, в любом случае разрушение старого мирового порядка всегда связано с определенной фазой мирового беспорядка, с ростом турбулентности и конфликтности, экономическими неурядицами. Вот почему был привлекателен сценарий, когда США сами, осознав, что их безраздельному господству приходит конец, возглавили бы пересмотр мирового порядка. Тогда этот процесс прошел бы гораздо мягче (см.: [Гринин Л. Е. 2016в; 2023а]).

Увы, возобладал силовой сценарий, потому что нынешний гегемон с его элитой, потерявшей верные ориентиры и имеющей чувство вседозволенности, оказался абсолютно глухим к требованиям времени. Мудрость не является достоинством современного американского политического истеблишмента, живущего в приятных заблуждениях о всемогуществе США и все более надувающегося высокомерием. Поэтому рассчитывать на то, что американские элиты по доброй воле прислушаются к голосу разума и пойдут по наиболее безопасному для Америки и всего мира пути, не приходится. Нынешний вариант эволюции американской международной стратегии представляет собой агрессивную реакцию Белого дома на постепенную утрату им привилегированных позиций. Вполне вероятно, пишут [Яковенко и др. 2023: 50], что мы имеем дело с последней и решительной попыткой превентивного ослабления России и Китая. Она может заключаться в переносе военно-технологического соперничества на новый уровень, новые геополитические провокации, в переходе к большому протекционизму в международной торговле (развернутая Западом беспрецедентная антироссийская кампания вполне может быть названа агрессивной формой протекционизма), в усилении гибридных и прокси-войн, но и вооруженные конфликты отнюдь не исключаются тоже. Результатами такой политики станут расшатывание основ глобальной стабильности, формирование новой блоковой архитектуры, углубление недоверия в мире. Одновременно последовательное осуществление агрессивной стратегии может привести к перенапряжению сил самих США и подрыву долгосрочных основ их безопасности [Там же]. Желание Д. Трампа внести некоторую разрядку в напряженность международной ситуации, скорее всего, натолкнется

на жесткие ограничения политической системы Америки, при этом сам Д. Трамп создаст в некотором роде еще больший хаос в международных делах.

5.2. Сценарии формирования нового миропорядка

Я не ставлю задачей показать весь спектр предлагаемых сценариев перехода к новому мировому порядку и собственно идей о том, какой это будет мировой порядок, а только представить **типологию подходов** с отдельными примерами. Посмотрим на общую характеристику и типологию сценариев. Надо, разумеется, учитывать, что и концептуальные особенности, и приверженность в типологии во многом зависят от того, к какому лагерю принадлежит аналитик. Напомню, что, на наш взгляд, сейчас в мире есть три основные силы, которые борются за мировой порядок: глобалисты, американские гегемонисты-«ястребы» (они же и патриоты, которых мы называем американистами, то есть те, кто ставит США превыше всего) и державы, претендующие на изменение мирового порядка: Россия, Китай, в некотором плане Индия, а также несколько стран помельче: Иран, Турция и др.

Первый тип – в рамках парадигмы абсолютного лидера. Тут существуют крайние сценарии, которые предполагают либо полное сохранение лидерства США [Nye 2024], либо замену абсолютного лидера, то есть США на Китай. Последний вписывается в теорию циклов гегемонии, о которой уже шла речь во Введении, а также в главе 2. Мы рассмотрим эти подходы ниже.

Второй тип – в рамках парадигмы отсутствия абсолютного лидера. Тут тоже есть разные подходы, в частности отход США от абсолютного и деспотического лидерства к мягкому лидерству, чтобы возглавить перестройку мирового порядка. Об этом в настоящей работе упоминалось не раз²²⁵. Л. Е. Гринин [2015б, 2016б, 2016в] писал о таком варианте. Лет десять назад такие советы – возглавить перестройку мирового порядка – хотя и не были, конечно, мейнстримом, но давались довольно активно.

«Необходимо признаться в том, что американское могущество ограничено, а глобальное доминирование – невозможная фантазия», – справедливо утверждает, например, М. Клэр [2015]. И далее он вполне прагматично предлагает вариант развития. По его мнению, следует принять очевидную реальность: Америка делит планету с другими крупными державами. Ни одна из них не равна США по силе, но и не слаба настолько, чтобы ее можно было запугать угрозой американского военного вмешательства. Выбрав более реалистичную оценку американских возможностей, Вашингтон должен сосредоточиться на том, как ему сосуществовать с такими державами, как Россия, Иран и Китай, улаживать разногласия с ними, не создавая неразрешимых конфликтов [Klare 2015; см. также Клэр 2015; Mandelbaum 2016]. У США есть

²²⁵ Добавлю еще, что высказывались идеи в связи с неизбежностью ухода от однополярной модели создать институты и правила, защищающие интересы Америки, независимо от того, как будет распределена мощь через 10, 50 или 100 лет, то есть мягко увековечить преимущества США, предложив Китаю значительные стимулы для интеграции (см., например: [Ikenberry 2008]).

возможность формировать меняющийся глобальный ландшафт и занять в нем видное место, но для этого они сначала должны осознать, что постамериканский мир стал реальностью, и не только принять, но и приветствовать этот факт [Закария 2009]. «Вашингтону нужно пересмотреть свой подход. Прекратить вмешательство и антагонизм, перестроить отношения с помощью торговли и взаимного доверия и принять неизбежность упадка империи», – справедливо замечал М. Уитни [2015а].

Но возможности такого сценария, к сожалению, если не закрылись полностью, то сокращаются стремительно²²⁶.

А соответственно, усиливается вероятность реализации **другого подтипа – мирового концерта**, где США будет не первым среди равных, а одним из равных. О подходе к идее мирового концерта мы уже говорили (в главе 1, § 1; см.: [Бжезинский 2006]) и будем говорить в следующем параграфе.

Другой подтип – многополярность вместо однополярности. Более общий взгляд на процессы выражается в идее, что гегемония США неизбежно ослабнет и возникнет многополярность. Чаще всего это не имеет достаточно четко прописанного сценария многополярности. Некоторые говорят не о многополярном, а о «многоузловом» порядке. ««Полнос» – это конец линии между двумя точками. Между тем зарождающийся порядок фактически трехмерная сеть, а не двумерная ось или даже набор осей. «Узлы» – такие места или точки, где множество связей разного объема и интенсивности зарождаются, заканчиваются и пересекаются по расходящимся векторам» [Фриман 2024].

Еще один подтип – в рамках идей, предложенных А. Г. Франком [2002; Frank 1998] о переходе центра Мир-Системы в Азию, и теории циклов накопления капитала Дж. Арриги и Б. Сильвер [Арриги 2006; Arrighi, Silver 1999]. О них, в принципе, уже шла речь во Введении. Современные аналитики модернизируют этот тезис, полагая, что Тихоокеанская Азия (Pacific Asia) сегодня ключевой регион для выработки нового мирового порядка (см., например: [Womack 2023]). Не лишена серьезного рационального зерна теория циклов накопления капитала, согласно которой, американский цикл накопления капитала сменяется азиатским (см.: [Глазьев 2010; 2024а; Айвазов, Беликов 2017]). Экономически Азия, а точнее, Глобальный Юг, уже заметно теснит Запад. Мы отмечали это в рамках теории Великой конвергенции. Недостаток этого подхода в нечеткости политической части сценария.

Третий тип – новая, неизвестная в истории структура мирового порядка. Тут стоит привести такой пример рассуждения [Барановский, Кувалдин 2023]. По мнению авторов (их точки зрения неидентичны, но я в данном случае не вдаюсь в эти детали), наиболее вероятным следствием нынешнего глобального конфликта представляется прогрессирующий отход от однополярности в сторону какого-то гибридного мироустройства, не имеющего аналогов в прошлом. В этом гибридном миропорядке будут гибко, подвижно сочетаться носители и характеристики однополярности (США, «коллективный

²²⁶ Еще есть мнения, что ослабление могущества США – это шанс для самой Америки перестроиться, обновиться, создать более справедливую и преуспевающую международную систему [Latham 2024]. Но, к сожалению, эти призывы слышат немногие.

Запад»), биполярности (США – Китай) и многополярности (другие великие и региональные державы, развивающиеся страны). Разумеется, геополитический вес различных компонентов и, соответственно, общий абрис всей конструкции будут подвижны и изменчивы. Возможно, именно таким образом пойдет движение от однополярного к многополярному миру, что сделает его траекторию более сложной и противоречивой. Соответственно, авторы ставят вопрос: насколько устойчива модель гибридного миропорядка? Они считают, что на него с достаточным основанием можно дать два диаметрально противоположных ответа. Первый: неустойчива, как все гибридные модели, носит переходный характер. Второй: устойчива, поскольку открывает более широкие, чем однополярная и биполярная, возможности самоутверждения для многих – больших, средних, малых. Дополнительный запас прочности придает ее гибкость: она допускает значительные изменения удельного веса разных компонентов, их переформатирование, различные комбинации их взаимоотношений. С авторами вполне можно согласиться в том плане, что на многие принципиальные вопросы о будущем мировом порядке допускают диаметрально противоположные ответы. В этом и огромная сложность прогнозов, и в то же время главная интрига: каждый новый шаг в изменениях в мировом порядке открывает новые и новые варианты сценариев, таким образом, число сценариев растет в геометрической прогрессии. Задача – все же сузить спектр вероятностей и оценить эти вероятности.

Нечто среднее между мировым концертом и неизвестной структурой мирового порядка предполагают В. И. Пантин и В. В. Лапкин [2024: 52]: «...во-первых, в перспективе – новую волну (ступень) глобализации, которая наступит, вероятнее всего, в период 2040–2060-х гг., и будет более устойчивой, чем волна глобализации периода 1980–2000-х гг.» Тут я с ними согласен, в этой работе о неизбежности новой волны глобализации говорилось несколько раз. Основанием и предпосылкой новой волны глобализации, по Пантину и Лапкину, станет не доминирование одного центра силы, «а новая иерархия мировых и региональных центров силы с участием США, Китая, России, Индии, ЕС, Бразилии, ЮАР и др., но с новым разделением функций и с более глубоким взаимодействием между этими центрами силы. При этом возникнет возможность более гибко и динамично решать проблемы и противоречия мирового развития» [Там же: 43].

Четвертый тип – прогнозы глобалистов, связанные с формированием мирового правительства, тотальным контролем над бизнесом и населением, связанным с учетом «углеродного следа» каждого человека, а также, соответственно, контролем над его потреблением и концентрацией власти и контроля над распределением финансовых потоков в масштабах всего мира. Наиболее систематично и концентрированно эти идеи изложены в книгах К. Шваба и его соавторов [Schwab 2016; Schwab, Malleret 2020; Schwab, Vanham 2022; Шваб 2022]. Но здесь характерно сочетание довольно детально прописанных общих подходов к изменению многих важнейших институтов и отсутствие описания акторов, которые будут руководить процессом. Последнее вполне объяснимо, мы уже говорили, что глобалисты не хотели бы открывать истинных бенефи-

циаров своих планов, прячась (как это часто бывает в идеологических переворотках) за идеей общего блага. Мы довольно подробно описывали и методы осуществления такого перехода, который включает как медленное опутывание элит и медиа своими ставленниками, так и попытки революционного глобального переворота, а также и попытки использования пандемии для утверждения своей повестки дня [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022б, 2022в].

Пятый тип – глобальная война, катастрофа или нечто подобное с различными исходами. К сожалению, сценарий не невероятный, а даже вполне реалистичный. Но я его не рассматриваю. Однако возможности войны в АТР, которая легко может перерасти в глобальную, мы уже обсуждали (глава 2, § 4). К сожалению, эта угроза имеет определенные основания, а указанные для этого даты, 2025–2028 гг., не могут не настораживать, поскольку похожи на самосбывающееся пророчество. «Ястребам» в Вашингтоне хотелось бы усилить напряженность в мире. Немало и тех, кто прямо предсказывает неизбежность глобального конфликта или даже полномасштабной войны. «Многие страны отказываются признавать неизбежность тотального конфликта – но война придет, рано или поздно», – утверждают, например, С. Кропси и Г. Хейлем [Cropsey, Nalem 2024]²²⁷. При этом они не только не призывают сделать все для предотвращения конфликта, но, опираясь на исторические аналогии ситуаций перед двумя мировыми войнами, призывают Америку начать конфликт раньше, упреждая ситуацию. Они пишут, что США могут, подобно Франции в 1930-х гг., занять сдержанную позицию, оттягивая конфликт из-за отсутствия поддержки союзников и нехватки военной мощи. «Но это станет гарантией более масштабного столкновения в последующие годы. Либо же Америка может начать действовать прямо сейчас, продемонстрировать свои возможности и вступить в долговременную борьбу за превосходство в одном из трех регионов Евразии. США придется выбирать: либо смелость, либо трусость» [Там же].

Шестой тип связан с усилением опасности цифрового регулирования. В крайней степени это «цифровой концлагерь», он описан в главе 1, § 2. Мы посвятили проблеме опасности усиления цифрового контроля много работ [Grinin L., Grinin A. 2023b; Grinin L. *et al.* 2024a; Гринин Л. Е. и др. 2023а, 2023б; Преодолевая... 2024: гл. 6; Малков 2019б; Малков и др. 2022] и касались этого вопроса, а также прогнозов (например, электронное государство, см. главу 3, § 3; главу 4, § 3) в этой работе. Однако в отношении политических акторов такой тип прогнозов дает недостаточно информации.

Седьмой тип – типология, связанная с тем, в какой конфигурации может быть достигнуто устойчивое равновесие международной системы. Ее фактически предлагает С. В. Картунов [2024: 81–82], описывая четыре подтипа. Первый – постепенное складывание новой биполярности вокруг

²²⁷ Они, правда, местами пытаются заменить слово «война» выражением мировой кризис, «лучше говорить о мировом кризисе, чем о мировой войне, поскольку в языковом плане слово усиливаясь, имеет тенденцию неизбежно превратиться в мировой взрыв насилия (a worldwide eruption of violence).

США и Китая как центров консолидации системы. Второй – многополярность с некоторым количеством полюсов (США, ЕС, РФ, Индия и, возможно, другие). Третий – отсутствие определенного фиксированного числа независимых полюсов, число их может меняться, поэтому речь идет скорее о полицентризме как основе будущего миропорядка. Речь идет о варианте, когда число автономных игроков будет переменным и различным для разных измерений мировой политики и экономики. Тут я бы добавил, что, по сути, это продолжение эпохи новых коалиций, которая вместо того, чтобы остаться в переходном периоде, становится основой нового мирового порядка. Четвертый вариант – когда основой международной жизни станет не биполярность, многополярность или полицентризм, но полная атомизация международной жизни, то есть смена современного мирового порядка периодом глобальной анархии и хаоса.

Восьмой тип – достигшая зрелости и не имеющая антагонистических противоречий Мир-Система. Это, например, уже описанный в главе 1, § 2 Мир-организм С. Ю. Малкова (см., например: [Малков 2019б; Преодолева... 2024: гл. 9]).

Об устойчивости систем мирового порядка. В главе 1, § 1 мы затрагивали вопрос о том, что многополярный мир у многих политологов рассматривается как менее устойчивый по сравнению с униполярным и биполярным. Действительно, многополярный мир менее устойчив, чем однополярный или биполярный. Однополярная система имела преимущества, и я писал о них. Но сегодня проблема в том, что преимущества американской гегемонии в смысле поддержания порядка уходят, а недостатки быстро растут. В отношении же устойчивости многополярного мира нужно согласиться с И. А. Истоминым [2016], что необходимо исследовать все вероятные проблемы и слабости полицентричной модели, к которой сейчас стремятся РФ и другие страны.

Однако очень важно понимать, что система мирового концерта не синонимична многополярности, как имплицитно полагает И. А. Истомин и некоторые другие. Как пишет И. А. Истомин [Там же: 22], «в действительности под многополярностью/полицентричностью понимается специфический тип политического порядка, который в исторической литературе именуется “концертом”». Однако система полицентричности означает сосуществование соперничающих вне консенсуса центров силы. Концерт же предполагает определенный консенсус, который канализирует соперничество. Таким образом, модель мирового концерта существенно более устойчива, чем система оппозиций (см., например: [Alexandroff 2015]).

Тем не менее согласен, что на деле значительную часть отечественных разработок составляет критика гегемонистского порядка без достаточной рефлексии недостатков полицентричного мира, «поскольку во внешнеполитическом дискурсе полицентричной организации международной системы придается аксиологическое значение» [Истомин 2016].

5.3. Сценарии переходного периода

Сценарии переходного периода многообразны. Мы о многих из них уже говорили. Они связаны с усилением гибридных войн, фрагментации Мир-Системы, роли стран Глобального Юга, размежеванием Мир-Системы по идеологическому/ценностно-цивилизационному подходу (см. § 3 этой главы) и другим параметрам²²⁸. Тут много всякого рода идей, но важность борьбы за влияние на Глобальный Юг (о чем мы уже говорили) и формирование антиамериканской/антизападной коалиции, к чему США буквально подтолкнули их оппонентов, обсуждается все чаще. В. Орбан прямо заявляет, что политика Вашингтона цементирует антизападный альянс Китая, России, Ирана, Северной Кореи и т. д. Все, кто недоволен американской гегемонией, теперь имеют свой ориентир [Лисицкий 2024]. Запад теперь определяет это сближение как «ось переворота», которая угрожает изменить мировой порядок. Приведу цитату Института РУССТРАТ. «Выступая на конференции RUSI Land Warfare в июле этого года, начальник генштаба Британии Роланд Уокер заявил, что в 2027–2028 гг. якобы может наступить момент, когда “осуществится перевооружение России”, “реализуется угроза Тайваню со стороны Китая”, “наберут силу ядерные амбиции Ирана и Северной Кореи”. Все это якобы может создать эффект сингулярности, что якобы несет угрозу благополучию Запада и всего остального мира. “Способность справляться с этими странами изолированно – специфическим кризисом, которым можно управлять с помощью системы, основанной на правилах, я думаю, значительно уменьшится. Проблема в одной области, вероятно, вызовет цепную реакцию взрыва в другой, и поэтому на эту глобальную проблему стоит смотреть с разных точек зрения”, – сказал британский военный деятель» [Для чего... 2024]. Р. Уокер назвал Россию, Китай, Иран и КНДР «все более сближающейся осью переворота». В апреле нынешнего года эксперты Центра новой безопасности Америки опубликовали статью в известном журнале “Foreign Affairs” под названием «Как противники Америки объединяются, чтобы опрокинуть мировой порядок» [Kendall-Taylor, Fontaine 2024].

Я много внимания уделил применению и развитию теорий Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева о реконфигурации Мир-Системы и ускорении этой реконфигурации, Великой конвергенции, а также развиваемой ими с 2009 г. теории эпохи новых коалиций (см. главу 1, § 2). Подчеркну, что идеи, созвучные теории эпохи новых коалиций, об отходе от блоковых союзов к более подвижным и гибким, в последние годы распространяется в политологическом сообществе²²⁹. В этой связи обсуждаются варианты различных блокировок и сою-

²²⁸ Вот один из интересных примеров. Д. Экблад опубликовал статью в издании “Asia Times” с говорящим названием «Нет, мир не движется к новой холодной войне» [Ekbladh 2024]. По его мнению, мир не движется и к горячей войне. Он считает, что глобальная система переживает критический период, напоминающий не столько структурированный конфликт времен после 1945 г., сколько сокрушительный крах миропорядка, произошедший в 1930-х гг. И этот процесс, судя по всему, завершится не третьей мировой войной, а «третьим глобальным консенсусом», то есть каким-то новым мировым порядком.

²²⁹ Например, формирование гибких, динамичных сообществ, объединений и коалиций государств» [Пантин, Лапкин 2024]; эрозия фактора консолидации в структурах блокового типа [Барановский, Кувалдин 2023].

зов, что делает определение вероятного сценария нового мирового порядка интригующим. Разумеется, с каждым разом, с одной стороны, будут все яснее определяться контуры противостоящих друг другу блокировок, а с другой – возможны и резкие изменения. Тут будет кстати привести рекомендации-сценарии, связанные с необходимостью изменения курса США, в частности налаживания отношений с Россией для будущего объединения США и РФ против Китая. Они пока малореальны, но не исключены, по крайней мере в части возможного налаживания отношений (тем более, что Д. Трамп обещает это). Разумеется, аналитики исходят из долгосрочных интересов США, которые, к сожалению, основная часть элиты по-настоящему не понимает и не формулирует.

Согласно одному из таких сценариев, новая «российская» стратегия США на вторую половину 2020-х гг. и далее должна воспользоваться слабыми местами российско-китайских отношений и призывать к поэтапной отмене санкций и постепенной реинтеграции России в западные рынки и к инвестициям в РФ. «Это потребует от Вашингтона стратегического терпения: ему придется сглаживать углы между Кремлем и европейскими союзниками, одновременно подталкивая Москву к тому, чтобы активнее утверждать себя против Китая в Средней Азии. США также могут попытаться внедрить Россию в блок государств Индо-Тихоокеанского региона, который они только собирают. В частности, это можно будет сделать путем посредничества в сделках и поиска новых клиентов для сбыта российских энергоносителей и оружия среди развивающихся держав региона, чьи оборонные возможности США уже крепят в противовес растущей военной мощи Китая». Но сделать это будет очень сложно. «Москва, несомненно, попытается сравнить друг с другом американцев и китайцев, чтобы извлечь максимум выгоды из щедрот обоих» [Cuenco 2024].

Другие предложения более осторожны. Вот одно из них. «Трамп прав. Политики-демократы опрометчиво допустили сближение Пекина и Москвы. Но тем же грешат и политики-республиканцы» [Bandow 2024]. «“Вашингтонский пузырь”, как его иногда называют, проявил себя в худшем виде, наделав Америке врагов своим непомерным чванством». Приоритетом должна стать смена курса. В отношении России и Китая вашингтонским политикам следует как минимум прекратить подталкивать два режима навстречу друг другу. «США и союзники не должны стремиться к масштабному разрыву инвестиционных и торговых отношений с Пекином. Это нанесет значительный экономический ущерб обеим странам, да и многим другим тоже. Более того, изоляция лишь усугубит наиболее враждебные Америке фракции в китайском руководстве и одновременно ослабит нажим на Пекин, чтобы тот смягчил свои геополитические цели» [Bandow 2024].

Тут, кстати, хотел бы добавить несколько наблюдений и прогнозов. Во-первых, для западных стран стало сложно маневрировать, поскольку США (с приходом Д. Трампа это может измениться) фактически стали проводить более жесткую политику и «сгонять» всех в единое стадо. Поэтому быть нейтральным в Европе стало очень сложно (это испытывают на себе такие страны, как Швеция, Финляндия, Швейцария, Сербия и др.). С другой сторо-

ны, развивающиеся страны, включая Турцию, оказываются более свободными в своем выборе. Они пытаются быть разновекторными. Быть втянутыми в одну группировку сегодня – терять возможности. Во-вторых, США сегодня стремятся мобилизовать все ресурсы своих союзников. Америка и раньше постоянно обставляла свои акции и агрессии международными коалициями и т. п. Сейчас это становится частью геополитики США, иначе они не могут противостоять тому, что считают угрозами. Об этом шла речь в главе 2, § 4). Напомню только один пример. Крайне встревоженные активностью РФ и Китая в Арктике, США не могут этому противостоять, так как не имеют ледокольного флота. Поэтому они пытаются создать некую ледокольную коалицию из Финляндии и Канады, стран, у которых ледокольный флот хорошо развит [Funairole 2024].

В-третьих, анализируя две тенденции, стремление США любым путем сохранить свое господство и желание стран Глобального Юга вести разновекторную политику, мы видим результат, что последние стремятся войти в БРИКС. Отсюда следует ожидать, что усиление БРИКС приведет раньше или позже к осознанию опасности для Запада и стремлению США развалить это объединение. И пытаться для этого вбивать клинья в отношения, кого-то улаживать, не вступать или грозить, возможно, США попытаются создать альтернативу БРИКС. Возможно, последуют и какие-то санкции, поскольку США считает санкции универсальным средством. Во всяком случае, Д. Трамп уже грозил пошлинами. См. об этом в § 3 настоящей главы.

В. И. Пантин и В. В. Лапкин [2024] представили три переходных сценария, если можно так сказать, в зависимости от скорости трансформации существующего мирового порядка.

Первый – катастрофический – сценарий предполагает процессы «ускоренной, глубокой и неуправляемой экономической и социально-политической дестабилизации, которая затронет все регионы мира и все ведущие центры силы и приведет к общему ослаблению этих центров и усилению разнообразных проблем и кризисов». Говоря нашей терминологией, этот сценарий может реализоваться в случае **сверхускорения реконфигурации Мир-Системы**, что приведет к обвальным результатам.

Второй – эволюционный – сценарий основан на постепенном и эволюционном развитии дестабилизационных процессов и, соответственно, связан с более мягким и постепенным переходом к новому мировому порядку. Вероятность обоих сценариев невысокая.

Третий сценарий связан с процессом объединений и коалиций мировых и региональных центров силы. Авторы указывают на учет ими нашей теории эпохи новых коалиций. Этот сценарий, как наиболее вероятный, основан на учете текущих тенденций международного политического развития и предполагает в качестве главной движущей силы изменение мирового порядка, «формирование гибких и динамичных объединений и коалиций мировых и региональных центров силы». Эти коалиции и объединения, как следует из проведенного анализа, способны смягчить последствия дестабилизации, не допускать перерастания региональных конфликтов в глобальный военно-политический конфликт и, главное, инициировать проведение в период 2020–

2040-х гг. назревших глубоких политических, экономических и социальных реформ внутри отдельных стран и на международном уровне. «Развитие таких гибких международных объединений и коалиций будет способствовать менее разрушительному и более постепенному переходу к новому полицентричному мировому порядку с новой иерархией центров политической, экономической и военной силы».

Характерно, что даже при таком оптимальном сценарии В. И. Пантин и В. В. Лапкин считают: в период 2020–2040-х гг. *будет происходить череда крупных региональных конфликтов* (на территории Украины, Молдовы, на Ближнем Востоке, в Закавказье, в Балтийском регионе, в Юго-Восточной Азии, на Корейском полуострове, в Северной и Тропической Африке), которая, однако, не приведет к глобальному и катастрофическому военному конфликту.

На мой взгляд, весьма, к сожалению, вероятен, конфликтный период с обострениями, но без глобальных военных конфликтов. **Это сценарий усиления гибридных войн с отдельными горячими конфликтами.**

Как пишет Н. Джамбруно [Giambruno 2024], третья мировая война вряд ли будет прямой горячей войной между США, Россией и Китаем²³⁰. «Вместо этого конфликт будет разыгрываться на разных уровнях – прокси-войнах, экономических войнах, финансовых войнах, кибервойнах, биологических войнах, саботаже, который можно отрицать, и информационных войнах. В этом смысле третья мировая война уже идет полным ходом, хотя большинство этого и не осознает. Недавняя волна переворотов в Африке является частью этого глобального конфликта».

На мой взгляд, продолжает Джамбруно, третья мировая война – это конфликт между двумя геополитическими блоками.

Первый блок состоит из США и их союзников, которые прицепили свои фургоны к однополярному мировому порядку. Другой блок включает Россию, Китай и другие страны, выступающие за многополярный мировой порядок (условно БРИКС+). Последний блок, надо отметить, далеко еще не сложился, что позволяет США и их союзникам иметь кое-где преимущества. Но вся политика Запада, как я уже говорил в главе 2, толкает Россию и Китай к более тесному союзу.

В рамках гибридных войн будет усиливаться и то, что называют когнитивной войной (одно из направлений гибридной). Эта война ведется давно, она велась еще и в период холодной войны через радиостанции. Но сегодня, с учетом гонки ИИ, она будет вестись более глубоко и мощно (о когнитивной войне см.: [Bernal *et al.* 2020; Kefeli *et al.* 2025]).

Таким образом, различных прогнозов, а особенно идей по поводу прогнозов, достаточно много. Но основные их направления в этом разделе учтены. Их анализ говорит о том, и это стоит повторить, что **переход к новой системе с большой долей вероятности будет не плавным, а достаточно бурным, но все же, надеюсь, не ведущим к глобальным конфликтам.**

²³⁰ Сейчас, кстати говоря, довольно часто говорят о третьей и даже четвертой мировых гибридных войнах. Я не совсем принимаю эту терминологию, но могу понять, почему ее используют.